

© 1992 г. ЯЦКЕВИЧ Л.Г.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК КОМПЛЕКСНАЯ ЕДИНИЦА ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Парадигма как комплексная единица морфологии лежит в основе русского формообразования. Сам термин "парадигма" является традиционно морфологическим, но в последнее время стал использоваться и в других разделах языкознания [1, 2]: в фонологии [3, с. 5—6], синтаксисе [4], лексикологии [5], словообразовании [6, 7]. Соответственно он получил и межотраслевую многозначность, которая сформировалась вокруг одного широкого понятия: "ряд единиц или образований одного уровня, связанных в языке системными (парадигматическими) отношениями, противопоставленных друг другу в самой системе языка" [8, с. 187]. В рамках морфологии употребление этого термина также не является однозначным. В целом можно констатировать, что в научной и учебной литературе по морфологии этим термином обозначают, нередко синкретично, следующие понятия: 1) парадигма словоизменения; 2) парадигма слова (лексемы); 3) парадигма части речи; 4) парадигма грамматической категории. Рассмотрим последовательно каждое понятие.

1. **Парадигма** (от греч. *παράδειγμα* "пример, образец") как образец, схема словоизменения относится к внешней стороне грамматических средств построения форм слова. Поэтому такие парадигмы определяются и классифицируются в основном по трем признакам, характеризующим внешнее выражение морфологических противопоставлений [1, с. 197; 9, с. 128; 10—12]: а) по набору окончаний (устанавливается тип словоизменения: тип склонения существительных, тип спряжения глаголов и т.д.); б) по набору основ (устанавливаются формальные классы глаголов, группы существительных); в) по акцентуации (выявляются разные акцентные парадигмы).

2. **Парадигма слова.** Парадигма слова — система словоформ, образующих одну лексему [1, с. 197; 9, с. 3, 30]. Основы научного описания морфологической парадигмы слова были заложены в работах В.В. Виноградова [13] и А.И. Смирницкого [14]. По определению В.В. Виноградова, лексема — "лексическая единица языка как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом..." [13, с. 36]. В.В. Виноградов отмечает основные свойства парадигмы лексемы: 1) лексическое тождество всех форм — членов парадигмы; 2) соотносительность, взаимообусловленность форм слова в парадигме; 3) связь каждой формы со строго определенной структурой языка, с определенными контекстами употребления [13, с. 39—40]. По мнению В.В. Виноградова, морфологическая парадигма отражает не все формообразование, а только один его тип — словоизменение, поэтому он указывает: "система форм одного слова шире парадигмы, в нее входят формы, которые лежат за пределами парадигмы" [13, с. 39]. Вслед за В.В. Виноградовым в дальнейшем многие исследователи употребляют термин морфологическая парадигма в смысле "словоизменительная парадигма" [1, 8,9—12, 15—18]. В.В. Виноградов, понимая сложность и неразработанность теоретических проблем русского формообразования, во-первых, подчеркивал неотложную необходимость изучения структуры слова как комплекса или системы форм [13, с. 38], во-вторых, указывал, что кроме парадигмы слова существует парадигма части речи — "система грамматического изменения целого класса слов" [13, с. 39].

Дальнейшее развитие теория словоизменительных парадигм получила в работах, в которых применяется синтезирующий, "генеративный", "деривационный" метод описания [9, 18]. С позиции теории порождающей грамматики "парадигма представляет собой совокупность всех видоизменений слова, называемых его производными. Несмотря на очевидное различие самих этих видоизменений, не вызывает сомнения, что и то и другое понятия описывают схемы порождения или деривации вторичных единиц, базирующихся на одной исходной единице и тем самым ассоциирующихся с этим исходным словом, а следовательно, находящихся в парадигматических отношениях с этой исходной единицей" [18, с. 10]. Но если различать порождающие, деривационные процессы в языке и синтез, деривацию как один из методов системного описания языка, то приходится признать, что указанное выше определение морфологической парадигмы слова относится к конструктивной единице научного описания, а не к комплексной единице языка. Действительно, далее авторы пишут: "...понятие гнезда и понятие парадигмы, описываемые как результаты применения определенных формальных операций, вводятся для того, чтобы отразить регулярный характер наблюдаемых структурно-семантических преобразований какой-то единицы и, следовательно, обобщить и систематизировать факты языка" [18, с. 11].

Наиболее плодотворное развитие теория морфологической парадигматики слова получила в работах А.И. Смирницкого [14], А.А. Зализняка [9], А.В. Бондарко [20]. В исследованиях этих авторов существенные особенности морфологической парадигмы слова как особой комплексной единицы морфологии выявляются в процессе ее сопоставления с морфологической парадигмой части речи и морфологическими парадигмами грамматических категорий слова, которые не являются языковыми единицами, а относятся к области грамматических абстракций языковой системы.

3. Парадигма части речи. В.В. Виноградов сопоставлял понятие парадигмы слова с понятием парадигмы части речи: «...термин "парадигма", как синоним слова, неудобен уже потому, что его можно применять и к системе грамматических форм одного слова, воспроизводящих тот или иной тип склонения или спряжения, и к системе грамматических изменений целого класса слов» [13, с. 40]. Продолжая это сопоставление, он указывал, что в парадигмах частей речи "...особенно наглядно и резко отражаются различия между основными типами и классами слов", так как "объем и характер систем форм различен у различных грамматических классов слов, у разных частей речи" [13, с. 41]. Но по отношению к системе форм частей речи системы форм отдельных слов данной части речи — "величины изменчивые" [13, с. 42]. Парадигма отдельного слова определенного грамматического класса может не "располагать всем комплексом форм, типичных для этого класса". Это обусловлено различными историческими процессами, которые приводят а) или к распаду системы форм отдельного слова, б) или к специализации отдельной формы и выпадению ее из парадигмы, в) или к качественному и количественному изменению семантического наполнения форм [13, с. 42]. Данное положение нашло дальнейшее развитие в современных исследованиях дефектных, неполных парадигм слова [9—22]. Существовало, что В.В. Виноградов отмечал не только наличие индивидуальных изменений в парадигмах отдельных слов, которые приводят к их несимметричности относительно общей парадигмы части речи, но и указывал на закономерный характер частичного несоответствия парадигмы лексемы парадигме части речи: "Чаше же всего изменения в системах форм зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов" [13, с. 42]. Это важнейшее положение грамматического учения о слове В.В. Виноградова, к сожалению, не получило дальнейшего теоретического развития и практического применения в сфере исследований морфологической парадигматики слова. Далее, неоднородность парадигм слов одной части речи, по В.В. Виноградову, обнаруживается также и в применяемых "способах и моделях формообра-

зования". Разнообразие этих способов и моделей обусловлено эволюцией языка [13, с. 43]. Думается, что такой подход к формообразовательной структуре слов является более конструктивным (несмотря на кажущуюся сложность и несистемность) по сравнению с указанным выше генеративным подходом, а также с дескриптивным анализом, согласно которому любое средство выражения категориального значения в слове следует считать флексией [23, с. 24] (критику дескриптивного анализа структуры слова см. в [24, с. 130–131]).

Исследования грамматики слова на основе сопоставления парадигмы лексемы и парадигмы части речи ведутся многими современными лингвистами [14, 9, 12, 19–22], этим принципом руководствуются при описании морфологического строя русского языка авторы академических грамматик [25, 10, 11]. Однако далеко не всегда эти понятия, относящиеся к различным уровням морфологической парадигматики, явно противопоставляются и терминологически различаются.

В свое время А.И. Смирницкий сделал удачную попытку терминологически разграничить "три ступени" морфологической парадигматики [14, с. 36]. Он соответственно выделил: а) парадигму конкретного слова, состоящую из словоформ; б) парадигматическую схему, т.е. "определенный состав (или комплект) грамматических форм, взятый в отвлечении от конкретных слов и от конкретных черт образования самих форм...", при этом "одна и та же парадигматическая схема характеризует грамматическое изменение некоторого большего или меньшего числа слов и таким образом объединяет их в известную грамматическую группу" [14, с. 32]; грамматическую форму, связанную с "определенным грамматическим типом слов", А.И. Смирницкий назвал "типоформой", противопоставляя ее словоформе (грамматической форме, связанной с одним определенным словом); в) основную парадигматическую схему — парадигму части речи ("класс слов, характеризуемый некоторой основной парадигматической схемой..., и определенной грамматической сочетаемостью..., обычно выступает как особая часть речи") [14, с. 34]. Если парадигма конкретного слова составляется из словоформ, а парадигма грамматической группы (типа) слов строится из типоформ, то парадигма части речи (грамматического класса слов) состоит из грамматических форм в собственном смысле слова; слово выступает здесь лишь как некоторая единица, способная к ее оформлению данной грамматической формой [14, с. 36]. Итак, обобщающая схема трех ступеней морфологической парадигматики такова: а) парадигма и составляющие ее словоформы, б) парадигматическая схема и составляющие ее типоформы, в) основная парадигматическая схема и составляющие ее грамматические формы в собственном смысле слова.

Дальнейшее развитие теории ступеней морфологической парадигматики происходило в двух различных направлениях: формальном и функциональном. Формальное направление характерно для работ А.А. Зализняка, который исследовал внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах [9]. Функциональное направление представлено в работах А.В. Бондарко [20, 26, 27].

4. Парадигма грамматической категории. Термин "парадигма" используется также для обозначения системы грамматических форм, объединенных одной грамматической категорией (парадигма падежа, числа, склонения, лица) [24, 20]. М.М. Гухман, характеризуя двумерность грамматической категории (ГК), указывает, что грамматическое значение образует план содержания ГК, а в плане выражения ГК представлена "...системным набором взаимно противопоставленных словоформ (не менее двух), или парадигмой, объединенной значением этой категории" [24, с. 124], "ГК существует только как совокупность словоформ, представленная парадигматическим рядом или парадигмой" [24, с. 128].

Сопоставление парадигмы ГК (ПГК) с парадигмой лексемы (ПЛ) и парадигмой части речи (ПЧР) позволяет установить важнейшие особенности морфологического

строю русского языка и включить закрытую систему русского формообразования в открытую систему функциональной грамматики.

5. **Парадигма грамматической категории и парадигма лексемы.** Обобщая определенные лингвистические традиции, А.В. Бондарко различает три уровня существования и, соответственно, описания грамматических категорий: 1) уровень абстрактной грамматической системы языка (рассматриваемый в отвлечении от лексикой); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания, в тексте [26; 27, с. 100]. Парадигма ГК является элементом абстрактной грамматической системы языка (I уровень). Парадигма лексемы относится к уровню репрезентации парадигматических систем абстрактно-грамматического уровня в лексике (II уровень), а словоформы, компоненты ПЛ, включаются в уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания (III уровень).

Между ПГК и ПЛ наблюдаются различные виды соотношений. Типология этих соотношений отражает разработанную в отечественном языкознании классификацию морфологических категорий (МК). По замечанию А.В. Бондарко, "вся типология МК в их отношении к слову базируется на соотношении абстрактно-грамматического уровня и уровня реализации МК в конкретном слове — в лексеме и словоформе" [27, с. 101].

I. Парадигма грамматической категории представлена либо в парадигме лексемы, либо только одной граммемой, либо полностью.

Соотношение, при котором компоненты ПГК распределяются между парадигмами разных лексем, наблюдается у так называемых лексико-грамматических [14, 13, 28], в иной терминологии — классификационных [9], некоррелятивных [20] ГК. В этом случае "граммема классифицирующей грамматической категории... характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам" [9, с. 32]. Соотношение, при котором парадигма ГК представлена в парадигме одной лексемы полностью, наблюдается у словоизменяемых или последовательно коррелятивных ГК [20].

II. Парадигма ГК включается во всю парадигматическую систему лексемы или же входит только в одну из ее парадигматических подсистем. Например, парадигма падежа охватывает полностью всю парадигматическую систему лексемы-существительного. Значение падежа включается в содержание любой словоформы существительного. У лексемы-прилагательного парадигма падежа не распространяется на формы простой сравнительной степени, у лексемы-глагола парадигма падежа охватывает только парадигматическую подсистему причастных форм.

III. Компоненты ПГК, граммемы, характеризуются однофункциональностью, имеют одно категориальное значение. Компоненты ПЛ, словоформы, многофункциональны. Обычно они являются точкой пересечения нескольких ГК [20, с. 136, 142, 144]. Парадигма лексемы в русском языке репрезентирует обычно парадигмы целого комплекса ГК, характерных для данной части речи, поэтому ПЛ имеет более сложную структуру. Например, парадигмы ГК рода, числа и падежа пересекаются в четырех парадигматических рядах парадигмы лексемы: 1) *белый, белого, белому...* и т.д.; 2) *белая, белой...* и т.д.; 3) *белое, белого...* и т.д.; 4) *белые, белых...* и т.д.

IV. ПЛ может быть или полной, или дефектной. Как явление потенциальное ПГК всегда характеризуется целостностью и невариативностью и является поэтому эталоном для описания грамматической структуры различных лексем.

V. Грамматическое слово (ПЛ) и лексическое слово (система его лексико-семантических вариантов) существуют в единстве. В силу этого правомерно "...ставить вопрос о разбиении морфологических категорий на те, которые обслуживают слова, и те, которые обслуживают лексико-семантические варианты

слов" [22, с. 127]. П.А. Соболева отмечает, что слово в целом обслуживают категории падежа, рода существительных и прилагательных, категории времени и склонения глагола. А категория числа существительных, вид, залог глагола обслуживают лексико-семантические варианты слов.

Все рассмотренные выше виды соотношения ПГК и ПЛ свидетельствуют о несовпадении их границ и различии их структуры.

VI. Кроме структурного несоответствия наблюдается также функциональное различие ПГК и ПЛ. Словоформа, компонент ПЛ, обладает семантическим содержанием, в котором интегрируются и категориальные значения пересекающихся в ней граммем, и грамматически значимые компоненты лексического значения слова, и семантико-синтаксические функции словоформы в тексте, и комбинаторные приращения смысла в синтагматическом ряду. Все это усложняет и расширяет функциональную сферу ПЛ, порождает систему вторичных противопоставлений ее компонентов в тексте.

6. Парадигмы грамматических категорий (ПГК) и парадигма части речи (ПЧР). ПГК и ПЧР относятся к абстрактно-грамматическому уровню языковой системы. Существующие между ними "отношения парадигматической иерархии" рассмотрены А.В. Бондарко [20, с. 141—144], хотя он и не пользуется термином "парадигма части речи", а говорит о комплексе морфологических категорий, характеризующих часть речи [20, с. 143—144]. Возражает против этого термина и М.М. Гухман, так как, по ее мнению, "под парадигмой понимается всегда совокупность противопоставленных и взаимосвязанных форм, между тем парадигматические ряды склонений, залогов и т.д. не взаимообусловлены, хотя межпарадигматические связи бесспорно существуют" [24, с. 161]. Правомерность понятия "парадигма части речи" была рассмотрена выше при обзоре работ В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Зализняка в связи с сопоставлением системы словоизменения лексемы с системой словоизменения части речи, к которой данная лексема относится. Правомерность этого понятия может быть доказана также и при сопоставлении его с понятием парадигмы ГК. В ПЧР выражается комплекс взаимосвязанных ГК данной части речи. Парадигмы этих ГК представлены в общей парадигме ЧР в определенной системе, которая по сравнению с системой форм отдельной ГК образует более сложную парадигматическую организацию.

Многие традиционно дискуссионные вопросы русской морфологии связаны с недостаточной изученностью структуры парадигмы части речи. Так, остается открытым вопрос о границах парадигмы ЧР. Распространено узкое понимание ПЧР, обусловленное пониманием ПЛ только как системы форм словоизменения [13, 9, 16, 18, 19, 24]. При таком понимании границы ПЧР соотносятся с границами лексемы, и поэтому парадигмы некоторых важнейших ГК не включаются в общую парадигму данного грамматического класса слов. За пределами парадигмы ЧР оказываются в таком случае, например, парадигма ГК вида, залога глагола, степеней сравнения прилагательных, рода существительных. Таким образом, в ПЧР не включаются парадигмы ГК некоррелятивного (классифицирующего) и непоследовательно-коррелятивного типа [20], т.е. такие ГК, семантика которых дифференцированно взаимодействует с лексической семантикой слов или получает словообразовательную характеристику. Представляется, что такие ограничения ПЧР являются искусственными и обусловлены они стремлением к единообразному представлению структуры ПЧР в научном описании. Но такое понимание ПЧР не позволяет полностью соотнести ее в парадигматикой грамматических категорий данной части речи и в полной мере изучить сложное взаимодействие грамматических категорий, которое имеет место в общей парадигме ЧР. Понимание ПЧР как комплекса морфологических форм, охватывающего всю систему формообразования данной части речи, позволяет более глубоко изучить семантическую структуру словоформ, которые представляют эти ГК в тексте.

Кроме соотношения границ ПЧР с границами ПЛ, границы ПЧР соотносят с границами самой части речи как определенного грамматического класса слов. Исследователи, которые, исходя из концепции Ф.Ф. Фортунатова, понимают части речи как группировки, объединенные словоизменительной характеристикой, считают, что "необходимо найти такое понятие парадигмы, чтобы каждая парадигма целиком умещалась внутри некоторой части речи" [29, с. 40]. Однако парадокс заключается в том, что парадигма части речи, т.е. система ее формообразования, не всегда в русском языке умещается в категориальных границах данной части речи. Дело в том, что в систему формообразования части речи могут включаться формы морфологической транспозиции, которые, не изменяя лексического значения слова, переводят его в парадигматическую и синтагматическую систему другой части речи. Это наблюдается, например, при образовании причастных и деепричастных форм глагола, синтетических форм сравнительной степени и наречных форм на *-о*, *-е* у прилагательных, при образовании форм порядковых числительных от количественных числительных, при образовании нелексикализованных форм притяжательных и относительных прилагательных от имен существительных, нелексикализованных форм отвлеченных существительных — *деадъективов* и *девербативов*, нелексикализованных форм отсубстантивных и *отадъективных* глаголов.

Таким образом, парадигма части речи распадается на две части: внутрикаатегориальную, образованную формами ГК данной части речи, и межкатегориальную, образованную формами морфологической транспозиции.

Формы морфологической транспозиции частей речи не получили должного места в описании морфологической парадигматики. Они не исследовались как особая сфера межкатегориального формообразования. Это вызвано рядом причин: узким пониманием парадигмы части речи, а также тем, что данный участок русского формообразования наиболее подвержен процессу лексикализации, что приводит к синкретизму и омонимии формообразующих и словообразовательных средств. В силу этого формы морфологической транспозиции получили противоречивую интерпретацию и непоследовательное терминологическое обозначение. В этом отношении некоторым из указанных форм "повезло" более, другим менее. Так, например, при квалификации деепричастий наиболее устойчивой оказалась традиция считать их особой глагольной формой, менее устойчивой — традиция называть деепричастия особой гибридной частью речи и, наконец, совсем малораспространенным оказалось представление о деепричастии как отглагольном наречии. При квалификации притяжательных прилагательных только отдельные исследователи включают их в парадигму существительного [30, с. 15—20; 31], обычно же их рассматривают как особый лексико-грамматический разряд имен прилагательных.

Для решения всех этих сложных вопросов русской морфологии в современных исследованиях были приняты попытки разработать формальные способы отождествления лексем одной части речи. Так, предлагалось к одной парадигме относить единицы с одинаковыми синтаксическими связями, с одинаковыми подчиненными словами [29, с. 40]. В соответствии с этим как формы парадигмы прилагательного рассматриваются наречия и слова "категории состояния" на *-о*, *-е*, как как любое слово, которое зависит от прилагательного, зависит и от наречия и категории состояния [29, с. 48; 32, с. 417; 33, с. 249; 34, с. 239]. В другом случае формальные способы парадигматического отождествления лексем были заимствованы из фонологии, в частности был использован принцип дополнительного, или свободного, распределения, на основе которого определяются вариант и инвариант [35, с. 37—49]. Руководствуясь этим принципом, В.Г. Рудель охарактеризовал два типа морфологических форм, которые образуются или способом модификации основного варианта лексемы (например, формы категории падежа), или способом деривации, которым образуются парадигмы родственных форм. Первым способом образуются "...дополнительно распределенные варианты

лексем, которые не могут компенсироваться какими-либо иными средствами данного языка”, эти варианты обычно называют словоизменительными формами [36, с. 19]. Вторым способом образуются “свободно распределенные варианты” лексем, которые в традиционной лингвистике обычно именуется “формами словообразования” [36, с. 22]. Дистрибутивный критерий дифференциации форм способствует выяснению их грамматической неоднородности, однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с выводами, к которым приходит В.Г. Руделев. По его мнению, на основе дистрибутивных различий можно выделить как особые части речи: полное причастие, краткое причастие, краткое прилагательное, деепричастие, инфинитив, перфект, презенс, императив [35, с. 46]. Подобный принцип членения частей речи уже имел место в русском языкознании. Как особые части речи выделялись инфинитив [37, 39], причастие [37—39, 28], деепричастие [37—39; 28], императив [40]. И в той и в другой теории, которые мы только что рассмотрели, разработка формальных принципов отождествления лексем одной части речи была вызвана стремлением последовательно проводить синтаксическую точку зрения на словоизменение, которая была обоснована в свое время Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматовым, П.С. Кузнецовым. Однако морфология обслуживает не только синтаксис словосочетания и предложения, но и синтаксис текста. В построении текста большую роль играют формы морфологической транспозиции, основной функцией которых является текстообразование, а не словообразование (словообразовательное значение средств морфологической транспозиции получают позднее, в результате процессов лексикализации). Данные формы выражают различные степени коммуникативного динамизма лексемы в тексте, а также специфически текстовые соотношения между словоформами разных лексем. Коммуникативное движение текста, преобразование ремы в тему осуществляется с помощью различного рода номинализаций и адъективаций: (1) “...ты *ощутишь* в себе еще больший долг и этим *ощущением* впредь поможешь своему возрождению” (Братья Карамазовы. Ф.М. Достоевский); (2) “Варя и Лиза обе *ненавидят* Катю. *Ненависть* эта мне понятна...” (А.П. Чехов. Скучная история); (3) “А мелкие вещички я уже сама сейчас начну собирать, — говорила она, торопя его, вся уже нацеленная в предстоящий день, ...в скорое *московское будущее*” (А. Проханов. В островах охотник...). Отношения соположенности действий или состояний по степени коммуникативной важности (смысловой или информационной), по направлению их детерминации (временной, актуальной, причинно-следственной) выражаются в тексте формами деепричастий, причастий, косвенными падежами отглагольных и отадъективных существительных, наречными формами морфологической транспозиции: 1) “Остров что ли потеряли? — Найдем, — *без уверенности* (ср.: *неуверенно, сам не веря*) отвечал Галкин (В. Распутин. Прощание с Матерой); 2) “Она *резво* (ср.: *с резвостью*) подседа к Алеше на диван, с ним рядом, и глядела на него решительно *с восхищением*” (ср.: *восхищенно, восхищаясь*) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); 3) “Она *недоверчиво* (ср. *с недоверчивостью*) покосилась на него и покачала головой” (И.А. Гончаров. Обрыв). Таким образом, если учесть сугубо грамматические функции форм морфологической транспозиции, то включение их в общую морфологическую парадигму части речи представляется правомерным.

Рассмотрение форм морфологической транспозиции частей речи в рамках теории синтаксической деривации [41] (см. обзор литературы по этому вопросу в [16]) значительно продвинуло вперед исследование их в грамматическом аспекте.

Подведем итоги сопоставления парадигмы части речи и парадигмы грамматической категории. Парадигма части речи имеет более сложную структуру по сравнению с парадигмой грамматической категории, так как, во-первых, отражает комплекс ПГК данной части речи, а во-вторых, включает в свой состав формы морфологической транспозиции. На основе соотношения парадигмы грамматической категории и парадигмы части речи выделяются несколько типов грамматических категорий в русском языке.

А) ПГК охватывает весь класс слов данной части речи, т.е. обязательно включается полностью или одним своим компонентом в парадигму части речи. ПГК не охватывает весь класс, характеризует парадигму только отдельного подкласса части речи. Например, посессивные формы образуются только от части одушевленных существительных (*птичий, заячий, папин, мамин*); формы степеней сравнения, краткие формы прилагательных, наречные формы на *-о, -е* образуются только от качественных прилагательных, утративших связь с относительными. Признание в теории только "эталонных" парадигм грамматических категорий первого типа устраняет из поля зрения исследователя динамический аспект грамматики. В практических же грамматиках парадигмы грамматических категорий второго типа обязательно описываются. Вряд ли их целесообразно устранять из теории морфологической парадигматики.

Б) Парадигма грамматической категории может включаться в парадигму только одной части речи или в парадигмы нескольких частей речи. А.А. Зализняк отмечает: "Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, грамматические категории русских имен описываются иначе: например, грамматическая категория падежа признается у всех разрядов имен. В связи с этим мы будем различать частные и обобщенные грамматические категории. Частная ГК — это грамматическая категория в определенном грамматическом разряде слов. Обобщенная ГК — совокупность частных ГК, имеющих в определенном описании одинаковое название" [9, с. 34—35]. Однако целям нашего исследования не соответствует дальнейшее рассуждение автора о том, что "совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определенных принципов описания" [9, с. 34]. Действительно, с точки зрения описания внешнего выражения грамматических противопоставлений в парадигмах, которое проводится в работе А.А. Зализняка, одноименные частные ГК должны рассматриваться как разные категории. Если же ставятся другие задачи — изучение морфологической парадигматики как целостной иерархической системы, элементы которой на уровне функционирования словоформ репрезентируются в единстве, то этот вопрос решается иначе. Частные грамматические категории должны рассматриваться не просто как одноименные в описании, а как взаимосвязанные в грамматическом строе языка. Морфологическая теория длительное время развивалась под девизом дифференциации частей речи, и отношения интеграции поэтому не исследовались. В последнее время эта проблема в одном из своих аспектов была поставлена в работах Л.В. Бортэ [42].

Существует три типа взаимосвязи частных грамматических категорий в составе общей грамматической категории, объединяющей парадигмы нескольких частей речи.

Во-первых, ПГК распространяется на парадигмы нескольких частей речи на основе контактных синтагматических связей данных частей речи в тексте, которые выражаются в формах согласования. Например, категории падежа, рода и числа формируют парадигмы имен существительных, прилагательных, причастий; парадигма ГК падежа включается в парадигмы всех именных частей речи. Но функциональные нагрузки падежных форм имен существительных, с одной стороны, и падежных форм других частей речи, с другой стороны, различны, хотя и взаимобусловлены.

Во-вторых, ПГК распространяется на парадигмы частей речи, которые находятся друг с другом в парадигматических связях по ономаσιологической функции. Например, на причастные формы глагола и на порядковые числительные распространяется парадигма склонения прилагательных, с которыми они объединяются в один ономаσιологический разряд на основе общего значения признака. Следует

отметить, что в русском языке парадигматическая связь частей речи по ономазиологической функции не всегда морфологизирована, т.е. не всегда выражается в общих морфологических категориях. Так, близость ономазиологических функций инфинитива и отглагольного существительного, обозначающего действие или состояние, не сопровождается однотипностью их морфологической структуры. Имена качества как ономазиологический подкласс существительных не имеют ГК, характерных для качественных прилагательных. Однако не имея морфологических парадигм той части речи, с которой они соотносятся ономазиологически, данные подклассы существительных располагают периферийными средствами выражения тех же самых семантических функций, которые выражаются этими парадигмами. Например, в русском языке издавна продуктивны грамматикализованные глагольно-именные сочетания, в которых полузнаменательные глаголы выражают различные аспектуальные, залоговые, темпоральные значения действий или состояний, обозначенных отвлеченными существительными (*начать/начинать; закончить/заканчивать; продолжить/продолжать чтение, операцию, объяснение; оказать/получить помощь; дать/получить образование; оказать/вызвать/внушить доверие*). Периферийным средством выражения аспектуальных значений является противопоставление форм ед. и мн. числа у имен действий и состояний [43, с. 352]: (1) "...звали покупателей вкрадчиво, даже кокетливо, насмехались же над ними очень дружно, забывая на это время свои внутренние распри" (ср. с ед.ч. — *распри*) (К.Г. Паустовский); (2) "И вот все колебание протетели и мелькнули в его уме..." (ср. с ед.ч. — *колебание*) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); (3) "... у меня начались одышки, головокружения..." (ср.: *началась одышка* (Ю. Трифонов. Старик). Таким образом, парадигматически соотносительные части речи (или подклассы частей речи) имеют или общие грамматические категории и одноструктурные их парадигмы, или включаются в разные сферы общего функционально-семантического [27] или грамматического [24] поля. Данный аспект соотношения ПЧР и ПКГ исследован мало в теории морфологической парадигматики.

В-третьих, части речи могут находиться в деривационных отношениях. Деривационные отношения могут связывать лексемы различных частей речи (*зеленый* → *зелень*, *покупать* → *покупка*, *трое* → *тройка*). В этом случае наблюдается словообразовательная транспозиция и морфологические категории исходной части речи не "наследуются" производной частью речи. Если же деривационные отношения "межчастеречного" характера связывают формы одного слова, что наблюдается при морфологической транспозиции, то некоторые морфологические категории сохраняются в производной форме. Так, русские наречные формы на *-о*, *-е* сохраняют простые формы степеней сравнения, а причастия имеют глагольные категории вида, залога, времени, деепричастия — вида и залога.

Л.В. Бортэ предлагает рассматривать деривационную цепочку лексем, образованных от одной части речи, как особую лексико-грамматическую парадигму [42]. Соотношение морфологической и лексико-грамматической парадигматики до сих пор не получило системного описания.

Заключение. Сопоставление парадигмы грамматической категории, парадигмы части речи и парадигмы лексемы показало, что русский язык располагает разнообразными способами грамматического оформления лексики. Синхроническая морфология обычно недифференцированно рассматривает производные и производные слова, первичные и вторичные номинативные единицы одной части речи. Однако изменение грамматики слова наблюдается не только в диахронии — в результате исторических процессов. Изменение грамматики слова, ее типологическая неоднородность наблюдаются и в синхронии — в сфере вторичных структурных образований синтетического и аналитического типа [44], а также в сфере заимствованных и искусственно образованных слов, удельный вес которых в составе современной лексики интенсивно увеличивается [45]. В силу этого

грамматические категории, составляющие ядро грамматического строя языка, на уровне частей речи, лексем, а также на уровне функционирования словоформ могут быть представлены в современном русском языке несколькими способами.

I. На уровне частей речи грамматическая категория может быть представлена: 1) в парадигмах нескольких частей речи, например, категория падежа в системе формообразования существительных, прилагательных, числительных, причастных форм глагола; 2) в парадигме одной части речи во всем ее лексическом составе (категория времени глагола) или в парадигме одного ее подкласса (категория степеней сравнения качественных прилагательных).

На уровне лексемы грамматическая категория может охватывать все словоформы лексемы (категория падежа существительных, вид глагола) или часть словоформ (категория времени глагола, категория падежа у качественных прилагательных).

II. Граммемы, члены парадигмы грамматической категории, распределяются по-разному на лексическом уровне. Учет различных типов структурирования лексики позволяет прийти к заключению, что основными способами представления грамем в слове являются:

а) классификация, при которой граммемы распределяются между разными несоотносительными лексемами (например, граммемы рода у неодушевленных склоняемых существительных: *берег, береза, поле*) или разными лексико-семантическими вариантами одного слова (например, граммемы числа в словах типа: *вода — воды, мозг — мозги*);

б) деривация, когда граммемы распределяются, во-первых, между членами словообразовательной пары или кодериватами (ср., например, граммемы рода у производных одушевленных существительных: *пионер — пионерка, колхоз — колхозник, колхозница*¹); во-вторых, между исходной и производной словоформами одной лексемы (ср., например, граммемы залога: *строить — строиться, волновать — волноваться*);

в) модификация, когда граммемы распределяются между разными чередующимися словоформами одной лексемы [20, с. 103—105] (например, граммемы падежа существительных);

г) конверсия (смена парадигм), когда граммемы распределяются между разными парадигматическими рядами одной лексемы (например, граммемы числа существительных исчисляемых выражаются сменой парадигм склонения: ед. ч. — *дом* \emptyset , -а, -у, \emptyset , -ом, -е; мн.ч. — *дома*, -ов, -ам, -а, -ами, -ах) или между двумя конверсивными лексемами (например, граммемы мужского и женского рода у слов типа: *супруг* \emptyset , -а, -у, -а, -ом, -е, и *супруга*, -и, -е, -ой, -е; *кум* — *кума*);

д) мутация (внутреннее нелинейное преобразование), когда граммемы распределяются между разными употреблениями одной словоформы (например, граммемы рода у существительных "общего рода" и наименований лиц по профессии: *круглый сирота*₁ — *круглая сирота*₂, *врач*₁ *пришел* — *врач*₂ *пришла*; граммемы числа у существительных типа *сани*²);

е) аналитический способ, когда граммемы распределяются, с одной стороны, между аналитическими словоформами лексемы (например, граммемы лица при склонении глаголов несовершенного вида в будущем времени: *буду, будешь, будет читать*), а с другой стороны — между исходной лексемой и производным от нее аналитическим образованием (например, граммемы рода у существительных одушевленных типа: *капитан* → *женщина-капитан, президент* → *женщина-президент*).

III. Лексемы и словоформы какой-либо части речи могут соотноситься с определенной грамматической категорией только через периферию ее функционально-семантического поля (см. об этом понятие в работах А.В. Бондарко [27]).

¹ Иная трактовка производных содержится в [28, 46, 11].

² Иная интерпретация этих фактов в работе А.А. Зализняка [9].

Сфера функционального распространения части речи [47] и сфера функционального распространения грамматической категории пересекаются. Образуются различными способами вторичные лексико-грамматические парадигматические группировки. К основным из них относятся:

а) система вторичных семантических функций исходной морфологической парадигмы, образующая вторичную модуляционную парадигму (например, выше мы отмечали аспектуальные функции у форм числа предикатных существительных: "Мужчины... пьют чай за низкими столиками, ...прислушиваясь к шелестам, звякам" (А. Проханов. В островах охотник);

б) система производных слов, располагающая совокупностью словообразовательных средств, которые на основе лексико-грамматических значений включаются в периферию функционально-семантического поля определенной грамматической категории; например, у предикатных существительных значения залогового типа выражаются префиксоидами само- (*самооценка, самокритика, самопроверка, самообновление*), взаимно- (*взаимовлияние, взаимовыручка, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимопосещение*), образующиеся словообразовательные пары составляют довольно регулярные лексико-грамматические парадигмы;

в) система грамматикализованных конструкций, образованных на базе словоформ и включающих в свой состав служебные незначащие или полусаменающие слова, которые выражают категориальную семантику, например, залоговые и аспектуальные значения предикатных имен: *оказать/получить помощь; дать/получить характеристику, возможность; начать/продолжить/закончить работу, переписку, пение*; данные конструкции также являются регулярными продуктивными средствами выражения категориальной семантики.

IV. Таким образом, на основе разграничения различных уровней и сфер представления грамматических категорий и соответственно их функций по отношению к лексическому составу языка были выделены в русской морфологии следующие функциональные типы парадигм: 1) классификационные, 2) деривационные, 3) модификационные, 4) конверсивные, 5) мутационные, 6) аналитические, 7) вторичные, лексико-грамматические (модуляционные, деривационные, аналитические) парадигмы. Данная типология парадигм отражает различную степень номинативной и коммуникативной подвижности разных видов парадигматических группировок в русской морфологии. Одна и та же грамматическая категория может быть представлена в русском языке несколькими функциональными типами парадигм, что и определяет ее динамичность. Поэтому классификация грамматических категорий русского языка должна строиться с учетом рассмотренного типологического варьирования их парадигматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
2. Мурлов Р.З. К теории парадигматики в лингвистике // ВЯ. 1980. № 6.
3. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
4. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
6. Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
7. Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.
8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
9. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
10. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
11. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
12. Волохина Т.А., Попова З.Д. Морфологическая парадигматика русского языка: Справочное пособие для студентов-иностранцев. Воронеж, 1983.
13. Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

14. *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
15. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
16. *Гинзбург Г.С.* Словообразование и синтаксис. М., 1979.
17. *Кубрякова Е.С.* О формообразовании, словообразовании и их соотношении // ИАН СЛЯ. 1976. № 6.
18. *Кубрякова Е.С., Соболева П.А.* О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
19. *Вольнец Т.Н.* Структура русской глагольной парадигмы: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Минск, 1978.
20. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
21. *Маслов Ю.С.* Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках) // Славянская филология. Л., 1964.
22. *Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
23. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
24. *Гухман М.М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
25. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953.
26. *Бондарко А.В.* Об уровнях описания грамматических единиц // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
27. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
28. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове М.; Л., 1947.
29. *Резин И.И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
30. *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных Possessiva в старославянском языке // Сборник у част А. Белића. Београд, 1937.
31. *Petr I.* K charakteristice polských adjektiv // Slavica Pragensia. 1968. X.
32. *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерки грамматики современного русского литературного языка. М., 1945.
33. *Панов М.В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.
34. *Popela I.* K podstate slovich druhiú // SaS. 1969 № 3.
35. *Руделев В.Г.* Место существительных среди других частей речи русского языка // Грамматические классы в современном русском языке. Тамбов, 1976.
36. *Руделев В.Г.* Об основных постулатах современной лингвистической теории // Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976.
37. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортуатов Ф.Ф. Избр тр. Т. I. М., 1956.
38. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.
39. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
40. *Булаховский Л.А.* Императив в славянских языках как индуцирующая категория // ИАН ОЛЯ, 1968. Вып. 2.
41. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
42. *Бортэ Л.В.* Проявление связей между частями речи в современном русском языке. Кишинев, 1979.
43. *Бульгина Т.В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
44. *Яцкевич Л.Г.* Средства выражения предметности в русском языке. // ВЯ. 1984. № 1
45. *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
46. *Земская Е.А.* О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица // РЯНШ. 1970, № 5.
47. *Резин И.И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.